

ВНИЗУ И СПАРУЖИ

Анастасия Гринблат

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Гринблат

Внизу и снаружи

<https://litres.ru/74446624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта история - ответ на один из многочисленных вопросов "Что было бы, если...?" Что было бы, если бы во время Карибского кризиса события развернулись по наихудшему сценарию?

Главные герои, врач Пётр Бурдах и сантехник Павел Вирхов, - единственные, кто есть друг у друга. И им предстоит сложный и опасный путь по искалеченному миру, полному паразитов, радиации и инфекций, до, как ни иронично, нового места работы.

Дорогой читатель, в тексте много сцен, способных вызвать шок, отвращение и страх, в том числе подробные и весьма неприятные описания болезней, так что, если ты не желаешь пощекотать себе межнейронные синапсы, прошу, береги себя и выбери другую историю. А если ты всё же решаешь остаться, то добро пожаловать в этот негостеприимный жёлтый мир.

Анастасия Гринблат

Внизу и снаружи

Сегмент I

- У тебя на ладонках яйца бычьего и свиного цепней, адолескарии всяких сосальщиков, ооцисты токсоплазмы (я уверен), все инвазионные формы клорициев, личинки трихинелл, кишечная палочка, золотистый стафилококк — и это я ещё и половины не назвал, так что будь так добр отстоять эту проклятушую очередь к раковине, - протараторил доктор Бурдах, обвинил мускулистую руку своего друга и невзначай поцеловал тыльную сторону его ладони.

Павел виновато убрал руку за спину. Никто из столпившихся в бывшем вестибюле метро не придал этой маленькой очаровательной сценке значения. Люди дышали. Их было настолько много, а помещение было настолько тесным, что выдыхаемый ими пар становился почти осязаем. Все ждали своей очереди: собирались в небольшие группы, тихо переговаривались, толкались, извинялись, ругались, прислонялись к холодным колоннам, пропускали или не пропускали женщин и пожилых, вертели в руках металлические контейнеры с пайком, тревожно озирались. Павел огляделся. Практически на всё он смотрел сверху вниз. Все, все, все, включая его, были одеты в чёрное, будто в трауре. На полу — крупные коричневые и серые квадраты, выложенные в шахматном по-

рядке, на стенах — идентичные серые прямоугольники, на сводчатом невыносимо низком потолке — тоже плитка, но с одинаковыми прямоугольными углублениями, похожая на выпуклую форму для шоколада, единственный яркий акцент — красное во всех смыслах название "Проспект Маркса", вопящее о себе по ту сторону рельсов, и, пожалуй, красный крест на плече у Пети, несколько минут назад перечислявшего паразитов поимённо. Хотя... Смотреть и удивляться набившим оскомину деталям, как в первый раз, - стандартное развлечение человека, привыкшего к очередям. Павел пригляделся к людям и нашёл в толпе довольно много таких акцентов: то здесь, то там мелькали красные кресты на белом фоне и зелёные пятна — на оранжевом. Белокурую девушку именно с таким знаком на рукаве он пропустил под возмущённое ворчание Пети.

- Лучше скажи, что у тебя с документами для перевода, - миролюбиво вздохнул Павел.

- Что-что, как всегда...

Примерно в то же время день назад Пётр Бурдах быстро шёл по душному канцелярскому коридору, такому узкому и тесному, что каждого встречного приходилось толкать плечом. Разойтись представлялось возможным, только повернувшись боком и коснувшись спиной холодной белой стены. А встречных было много. И все спешили. К груди Пётр прижимал кипу бумаг, венчал которую серпастый, молоткастый

советский паспорт. Нёс он его не с той гордостью, которой, казалось бы, требовал по отношению к себе этот документ, а с тем странным, почти экстатическим чувством, с которым религиозный фанатик держит перед средостением своё писание в немотивированной надежде, что книга его спасёт. Руки дрожали. Кабинет номер триста восемнадцать оказался, естественно, не между триста семнадцатым и триста девятнадцатым, а в странном закутке, которым слепо заканчивался коридор. В эту ловушку Пётр не попался. Он попался в следующую. Стук в металлическую дверь отдался утробным гулом, и после приглашения Бурдах нырнул в эту пасть.

Он оказался в маленькой и слишком ярко освещённой комнате. Ему даже пришлось на мгновение зажмуриться. Напротив двери стоял заваленный бумагами стол, рядом с ним — простой стул, как в школе. В комнату эта нехитрая мебель едва вмещалась. За стеклом, как ящерица в террариуме, сидела девушка: рыжая, зеленоглазая и слишком молодая для работы в такого рода учреждении.

- Здравствуйте, на станцию Мир перевожусь, здесь все бумаги, - перед ней легли плоды недельных трудов, многочасовых очередей и бесчеловечных споров. Она даже не подняла взгляда и принялась нарочито медленно просматривать каждый из документов. Сразу отложила в сторону паспорт — такие действия всегда вызывают у гражданина липкую тревогу. Её глаза с хищными вертикальными зрачками шустро пробегали каждую строчку, но она специально задержива-

лась подольше. Последнее звено. Вот ищет же, к чему придраться. Она всё же снизошла до того, чтобы посмотреть на Петра.

- Где справка номер 673-Д-А?

- Я врач, мне только 736-А-Р нужна, - Бурдах поставил руку на стол прямо перед стеклом и опёрся на него всем весом. Смерил паспортистку взглядом.

- Доктор, доктор, - со всем возможным пренебрежением покачала головой она, - вы врач, поэтому вам нужны обе.

В злых серых глазах Петра с такими же вертикальными зрачками отразились две мысли: «Хочешь, я перед тобой на колени встану?» и более искренняя «Сдохни в тетании». Черты его лица были аккуратными, даже миниатюрными. Бледная кожа на маленьком носу и под глазами была покрыта скорее сероватыми, чем рыжими пятнами, отдалённо похожими на веснушки. Лохматая чёлка скрывала высокий лоб и то и дело лезла в глаза, волосы доставали Петру почти до середины бедра, и при желании он мог в них закутаться. Волосы. Они были угольно чёрные, но в них то и дело мелькали пряди, то ли выбеленные безжалостным солнцем, то ли просто поседевшие. Ложились на плечи и на спину они в совершенном беспорядке. Роста Пётр был небольшого и сложения довольно тонкого, но агрессивная улыбка, напоминавшая оскал из-за неестественно острых клыков и почти никогда не сходявшая с его лица, и вертикальные зрачки делали его похожим скорее на юркого хищника, чем на травоядную

жертву. Одет он был так, что мог в любой момент подняться на поверхность. Чёрная куртка на молнии с заклёпками на плечах и такого же цвета простые брюки скрывали его кожу. На коричневом ремне перед кобурой висела широкополая шляпа-стетсон, с другой стороны — поясная сумка. К гартере на бедре тоже была пристёгнута небольшая сумка, потому что Пётр хотел носить с собой слишком много вещей без стеснения движений. На шею он небрежно повязал платок цвета давно высохшей крови, а с наплечным красным крестом на белом лоскуте расставаться было не положено.

Задав несколько вопросов этой ящерке за грязным стеклом, Пётр бодрым шагом направился к другому кабинету. В коридоре он столкнулся с довольно высоким и крупным человеком, и, пока они пытались разойтись, упёрся носом ему в скрытую чёрной тканью грудь. И о каких санитарных нормах может идти речь? Коридор как-то слишком уж круто повернул и расширился вестибюлем с угловатыми колоннами и эскалаторами. Неработающими, естественно. Набрать бы в лёгкие побольше воздуха да преодолеть парализованные ступеньки за пару прыжков, но по ним шли люди. И шли невыносимо медленной вереницей, в конец которой и стал Бурдах. Неужели нельзя чуть быстрее? На чёрные, блестящие лаком перила люди косились брезгливо, и лишь единицы решались к ним прикоснуться. Привычный аммиачный запах пота витал в душном воздухе и заглушал приятный в сравнении с ним аромат креозота и раскалённого ме-

талла. У выхода с лестницы давка приобретала и вовсе опасный для жизни характер. Не успевшие разглядеть указатель резко останавливались и нелепо вертели головой, а шедшие сзади врезались им спину. Ловко ныряя между чужими локтями и при необходимости расталкивая сограждан собственными, Пётр выбрался на более или менее свободный участок и юркнул в очередной узкий коридор. Шёл он с максимальной высокой скоростью, чтобы толпа с лестницы не успела его догнать или, хуже того, обогнать.

Перед нужной дверью всё равно стояла очередь. Не такая длинная, как могла бы быть, но неприятная и тянущаяся, как гудрон. Пётр вздохнул и поудобнее перехватил документы. Последняя справка. Это должна быть последняя справка. От застеклённого окошка, в котором в необозримо далёком прошлом продавали жетоны и проездные, отходили довольно быстро. И Пётр ничуть не удивился, когда очередная ящерка за стеклом — на этот раз пожилая седая женщина — сказала ему, что справка 673-Д-А ему совершенно ни к чему, что его и без неё включают в приказ о переводе, что молодое поколение клерков жизни не видело и ничего не смыслит. Пришлось соврать, что именно эта справка нужна ему для другого. Для чего именно другого, госработница даже спрашивать не стала, потому что количество людей за спиной Петра росло в геометрической прогрессии. Молча дала ему в руку бесценный клочок дешёвой бумаги. И снова все те же препятствия, только в обратном порядке.

От красочного и очень эмоционального рассказа о специфике советской бюрократии Петра и Павла отвлекла сирена. Она выла протяжно. То скулила, то захлёбывалась в собственной громкости. Все осеклись на полуслове. Прислушались. Огляделись. Продолжили гудеть.

Пётр почувствовал, как земля ушла из-под ног. Это Павел подхватил под мышки маленького и такого хрупкого, как ему казалось, Петю, поднял как можно выше и сделал несколько шагов назад. Как и все. Петя приобнял Пашу за крепкую шею, посмотрел ему в лицо и прошептал:

- Ты уверен? - он даже не пытался заглушить истерический монолог сирены. В ответ Павел молча кивнул вперёд. И на всякий случай ещё немного отступил, стараясь не расталкивать тех, кто был ниже, - и да. В итоге меня должны включить в приказ о переводе. Надо будет через пару дней уточнить, - Петя как ни в чём не бывало договорил, развернулся всем корпусом и посмотрел на резко освободившийся пол. Ах да, точно. С чего бы ещё сирене выть?

По шахматным квадратам плитки ползло существо, больше всего похожее на раздавленного слизня. Небольшое, размером с кулак. Его скользкая плоть жидкого зелёного цвета аритмически пульсировала. Передвигалось оно медленно, шупало неуклюжими псевдоподиями каждый сантиметр пола. На почти бесформенном теле мелькали то коричневатые уплотнения, то белёсый плесневый пушок. Люди пятились

от твари во все стороны. За ней следом тянулась влажная, блестящая даже в тусклом свете, мукозная полоса. От этой слизи квадраты пола становились ещё темнее.

За несколько мгновений существо оказалось в руках у девушки, которой уступил место Павел. Когда она успела натянуть оранжевые перчатки до локтя и надеть шляпу с включённой защитой, оставалось загадкой, но на то и зелёный значок у неё на плече. Пойманная тварь начала едва заметно утекать из рук, но девушка со склизким чавканьем сжала её покрепче и посмотрела Павлу в лицо. Охотница улыбнулась, и в её живых глазах заплясал маниакальный огонёк.

- Спасибо, но ваше место мне теперь не пригодится. Меня такая дезинфекция ждёт, - она мечтательно закатила глаза. Пока она говорила, от существа по её перчатке поползла плотная и липкая белковая субстанция, но девушка так ловко встряхнула рукой, что эта масса приклеилась к его телу и стала медленно в него погружаться. Охотница проворковала нежно, обращаясь к добыче, - не надо инцистироваться. Пойдём, я покажу тебе, что такое настоящие неблагоприятные условия. И ещё кое-что, - девушка перехватила создание и вовсе одной рукой, присела и коснулась оставленной им тёмной полосы. Слизь загорелась коротким синим пламенем, и озорные голубые язычки мгновенно поглотили её. И исчезли, не найдя больше пищи. Воздух наполнил удушливый и тухлый запах сероводорода. Безопасность.

Охотница уже давно поднялась по пустому обездвиженно-

му эскалатору, когда люди, переругиваясь и обсуждая произошедшее, стали возвращаться на места. Павел осторожно попытался поставить Петю на твёрдую землю, но не тут-то было. Тот мёртвой хваткой вцепился ему в крепкую шею:

- погоди, я ещё не налюбовался, - Бурдах хищно оглядел его. А смотреть было на что. Чуть смугловатая кожа, грубые черты сурового, но почти по-детски округлого лица. Неотёсанные. Иногда дерево не нуждается в обработке. На дне больших светлых глаз застыла немая печаль и спрятался живой ум. Рыжеватые волосы Паша собирал в короткий хвостик, который смешно топорщился на затылке. Его чёрная накидка — познавший гетерозис гибрид русской просторной рубахи и американского пончо — с трудом скрывала упругие мышцы. Двуглавая, трёхглавая, локтевой сгибатель запястья, лучевые разгибатели — Петя успел прощупать их все, пока был лишён свободы передвижения, и останавливаться не собирался. Через плечо Павел носил довольно увесистую сумку на крепком ремне, а на поясе его широких чёрных брюк висели кобура и шляпа, скрытые просторными складками чёрной ткани.

- Ну, полно, полно, скоро наша очередь, - Паша с небольшим и очень аккуратно приложенным усилием отцепил от себя Петю и поставил его на пол рядом с собой. Лохматой макушкой Бурдах доставал Паше до плеча. Он было обиженно поджал губы, но наконец подошла их очередь.

Пётр поднёс руки к дозатору мыла, затем к не ржавому,

но покрытому белёсым налётом крану. И то, и другое реагировало на тень. Павел заворожённо наблюдал за тем, как его друг с хирургической скоростью мыл каждую кисть, и всё же решился его отвлечь:

- Вот сколько бы ты мне ни объяснял, никак в толк не возьму, откуда берутся эти существа.

- Спасибо, что не дети, - усмехнулся Пётр. Он стряхнул капли бесценной жидкости с рук и пропустил Павла к раковине, - люди выдыхают и выплёвывают всяких патогенных тварей. Бактерии там, простейшие, грибы даже всякие. И твари собираются в конгломерат, чтобы выжить. Это из-за скученности людей, потому что люди тоже собираются в конгломерат, чтобы выжить.

- Раньше, - Павел посмотрел в глухую стену. В этом грустном «Раньше» было нечто большее, чем отрезок времени, - тоже скученно жили.

- Раньше — не настолько.

Те, кому посчастливилось помыть руки, отходили от раковин и вскрывали металлические контейнеры с пайками. Затхлый воздух наполнился щелчками и чавканьем. Пётр и Павел тоже открыли свои пайки. Рядом с гетерогенной смесью, вонявшей кошачьим паштетом и пестревшей неаппетитными белыми и разноцветными вкраплениями, в отдельных ячейках лежали трёхзубая вилка, аптечная стеклянная стамиллитровая бутылка воды и совсем уж аптечная банка мультивитаминов, среди которых преобладала аскорби-

новая кислота. Павел отправил в рот вилку пищи N9-A. На вкус было, как кошачий корм, в который добавили муки и какого-то хрустевшего на зубах порошка. Петя эту странную субстанцию уплетал с таким завидным аппетитом, что Павел не мог смотреть на него без улыбки и даже попытался убедить себя в том, что это может быть вкусно. Бурдах тяжело вздохнул:

- И опять эти витамины...

- Петя, ты же врач, - Павел даже опешил, - лучше меня понимаешь...

- Понимаю, - протянул Пётр хриплым голосом, - я, может, хочу, чтобы ты меня поуговаривал. Хотя ты меня и так на руках носишь...

- Ну, пожалуйста? - сказал Павел неуверенно. Петя высыпал на чистую ладонь горсть кислотно-жёлтых драже и отправил их в рот, запрокинув голову. Павел последовал его примеру. Этот кислый, с горчинкой, вкус ему, в отличие от Петра, казался более, чем сносным.

Пустая тара — закрытые крышками контейнеры с похороненными внутри вилками — с характерным металлическим стуком полетела в специальный бак, а банки и бутылки остались у граждан на руках. Пётр убрал витамины в поясную сумку и проницательно посмотрел на бутылку Павла. Там оставалось немного воды.

- Для сына? - заговорщическим тоном спросил он. В ответ Павел молча кивнул, - И как тебе не надоест его прятать?

- проворчал Пётр, но и в своей бутылке несколько глотков оставил.

Сегмент II

Грохотало. Чёрная ткань не могла скрыть липкого тепла человеческих тел, и воздух в вагоне был горячим, влажным и едким. Каждый вдох отдавался жгучей, колючей болью в гортани. Защиту на шляпах не включали только самые бесстрашные глупцы. Сидячих мест в вагоне не было, и стоящие на его припадочном полу люди сливались в сплошную массу чёрного и плоти. Павел крепко держался за поручень и смотрел вниз. Все эти шляпы - почти идентичные, отличавшиеся лишь размером - напоминали ему гладь странного озера, то ли залитого нефтью, то ли проклятого. Руке в перчатке было жарко и мокро. Но Павел понимал, что это единственный способ без риска для жизни прикоснуться к поручню и, следовательно, устоять на ногах. Но из этого моря упустить он боялся только один головной убор - тот, что скрывал чёрные, с проседью, неестественно длинные волосы. Впрочем, переживать ему об этом не стоило. Петя вцепился Павлу в плечо так, будто пытался остановить кровотечение. Рука едва ощутимо онемела.

Женский механический голос объявил станцию Дзержинскую, и пассажиры синхронно качнулись. Хватка на руке Павла на секунду усилилась и сразу ослабла. Разъехавшись с тяжёлым вздохом и скрипом, двери выпустили нескольких. Между взрослыми, как черви среди свищей, стали пролезать

дети. Они выбирались на твёрдый пол станции и без команды строились парами, как маленькие солдаты. Им было не больше девяти. Павел смотрел на них, и него щипало в носу и медиальной части глазниц. Ни у кого из этих детей - с ног до головы облачённых в чёрное, с вертикальными зрачками, похожих на котят на солнце - не было родителей. Это просто госпроект. Нельзя потерять то, чего нет. На плечи ребятам давили красные повязки с вышитыми на них фамилиями: спасибо, что не порядковыми номерами. Все фамилии начинались на Г. Паша посмотрел на Петю. Он ведь тоже из таких... В конце строя в паре стояли девочка и мальчик. К ним подбежал субтильного вида мальчишка в очках и толкнул девочку с такой силой, что та чуть не упала. Однако она стерпела этот удар с таким достоинством и нашла другую пару с такой скоростью, что мальчику следовало бы пристыдиться. Он, вероятно, и пристыдился бы, если бы не был слишком занят тем, что ему сразу же начал рассказывать его взъерошенный друг. Из вагона выбралась учительница. Она пересчитала будущее страны по головам, как скот. И успели же как-то выстроиться дети за считанные секунды между объявлением станции и пластмассовым, бездушным "Осторожно, двери закрываются".

После того, как группа детей вышла, в вагоне как будто не стало просторнее. Виноват в этом был то ли новый поток людей, то ли общечеловеческое умение занимать всё освободившееся пространство. В душном переполненном ваго-

не это ощущалось особенно остро. Входили и заходили примерно в равных количествах.

Но на станции Комсомольская из вагона хлынул такой поток людей, что тоже выходявших Петю и Пашу едва не снесло. Конечно, бифуркация. Всё пространство было заполнено дышащей, колышущейся и спешащей человеческой массой, так похожей на тот патогенный конгломерат. Паша зачем-то - возможно, чтобы дать глазам хоть немного отдохнуть от людей - посмотрел вверх. Взгляд споткнулся о лепнину и замер. Простые гипсовые листочки, похожие на дубовые, бежали друг за другом по белому потолку. Чистые и нетронутые. Это был спасительный островок культуры в море забытых и потерянных людей - её концентрат. Хотя зачем врать - сухой остаток.

- Если ты не отлипнешь, нас нахер затопчут, - послышалось снизу привычным надтреснутым голосом. Отрезвляюще. Петя потянул Пашу за рукав, увлекая к кольцевой линии. Именно в этом месте, под лепниной, поток людей делился надвое. Кто-то уже толкался на лестнице, кто-то - подходил к рельсам.

Этот вагон метро разительно отличался от других. Нет, в нём были те же поручни, тот же серый пол, та же эпилептическая карта на стене, та же мелькающая темнота за окнами. Главное отличие состояло в том, что всё это можно было разглядеть. Очень мало людей. Петя всё равно держался за Пашу, а не за поручень и смотрел так, будто видел вагон

впервые. Да, люди были, но они не дышали друг другу в спину, и между ними оставалось пространство. Воздух казался до странности холодным и даже свежим.

- Странно, что нас не отправили группой, - заметил Паша. Его низкому и глубокому голосу удалось на мгновение перекрыть шум и стук.

- Да мы по отдельности быстрее дойдём, чем в группу соберёмся. А сдохнем по пути - так новых наштампуют.

- Имеет смысл, - вздохнул Павел.

- Сейчас вагон пустой будет, - сказал Петя, будто в пустоту, и продолжил, - нам на следующей, а там ничего нет. Последняя.

Он оказался прав. На Коммунистической - бывшем Ботаническом саду - люди хлынули в двери и вытекли из поезда, как последние капли крови из колотой раны. Остались двое. Они посмотрели друг на друга и на тёмные окна. Рефлекторно стали поближе. Вид абсолютно пустого вагона пугал и вызывал такой диссонанс, что аммиачно воняющая потом и липкая толпа сейчас казалась им безопасной и родной. Двери. Станция. Эскалаторы, мёртвые до лучших времён. Вверх, вверх и ещё раз вверх. Очень давно так высоко не поднимались. Пустота. Потолки высокие, сводчатые и тишина такая, что каждый шаг отдаётся эхом и слышен каждый вдох, каждый хлопок клапанов сердца. На всей станции, восстановленной после катастрофы, лежал отпечаток немого отчаяния и тихой благодарности, как на человеке, которо-

го вывели из комы. Больнично-белые своды, прямоугольный свет электрических ламп и колонны, исключительно чтобы держать потолок, почему-то ослепительно жёлтые, как небо или последняя надежда. Пётр и Павел поднимались по последнему эскалатору. Пётр бодро скакал по ступеням впереди - наконец-то можно не ориентироваться на толпу - Павел спокойно шёл следом. Они остановились перед тяжёлой высокой металлической дверью.

Освинцованная громадина с кодовым замком смотрела на Петра и Павла строго, словно спрашивала, а стоит ли. Они проверили, все ли участки кожи закрывает одежда и включена ли защита на шляпах.

Двое, не сговариваясь, опустились на холодный серый пол рядом с дверью. С нежностью, неожиданной с таким суровым человеке, Павел достал из вместительной сумки растение в рыжевато-коричневом горшке и стеклянном почти герметичном стеклянном чехле. Резные, испещрённые беленькими жизнерадостными прожилками листья мяты зеленели на фоне всей этой исступлённой серости счастливо, ярко и даже бессовестно.

- Нам надо полить сына, - кивнул на растение Паша. Он мог бы этого не делать: Бурдах уже давно размял прямо внутри мягкой алюминиевой упаковки какие-то таблетки, бросил их в оставшуюся воду и взболтал. Образовавшаяся суспензия действительно чем-то походила на детскую смесь. Когда бесценная жидкость заполнила поры столь редкой поч-

вы, Павел бережно поставил мяту в стеклянном футляре в сумку и тихо скомандовал:

- Ты вводи код - я открою, - Пётр молча кивнул, порылся в многочисленных карманах и сумках и извлёк оттуда клочок серенькой дешёвой бумаги, доставшийся ему с таким трудом.

Палец в чёрной перчатке коснулся стальной кнопки с вырезанной на ней цифрой. Каждой символ четырнадцатизначного кода сопровождался щелчком и высвечивался ломаными красными линиями на сегментном индикаторе. Механизм протяжно запищал. Павел повернул красное колесо ручки и изо всех сил толкнул дверь. Ему даже пришлось сделать несколько шагов. Отошедший в сторонку Петя заметил, как напряглись его трапециевидные мышцы.

Двое протиснулись в закатную желтизну через образовавшуюся щель, и Паша закрыл дверь с тяжёлым вздохом. Удар. Щелчок. Захлопнулась.

Небо было жёлтым. На горизонте от края до края обозримого пространства протянулась закатная плесневая иссиня-серая полоса. Небо давило на бескрайний рыжеватый песок, и всё это сливалось в иступлённое жёлтое, немое и пустое безвременье. Воздух стоял неподвижный и раскалённый и будто ещё больше нагревался от того, что солнце снова решило не смотреть на этот людской позор. Ни ветерка, ни звука. Только миражом где-то далеко высилась и маячила станция - то ли времянка, то ли ещё что - да тревожно сопела

вспину покинутая Рижская. Павел наклонился к Петру, втянул носом горячий разреженный воздух, положил руку ему на плечо и тяжело, весомо проговорил:

- Ну, вот мы и снаружи.

Сегмент III

На фоне жёлтого песка, опрысканная жёлтым небом с шелестом развернулась пожелтевшая бумага карты. Павел сверился с компасом и кивнул. Разноцветными стрелочками был обозначен незамысловатый и бедный на ориентиры маршрут. И никого. Пётр прислонился к Павлу спиной и протянул:

- У тебя так хорошо получается ориентироваться наверху.

- Зато ты водишь нас по метро, - миролюбиво возразил Паша.

- Так я там родился. Кстати, раз ты такой умный, как думаешь, что это? - Петя задал волнующий всех вопрос и махнул в сторону стремительно приближавшегося бункера. Паша уже сложил карту, и они шли. Он пожал плечами.

- Может, ОДЛ? - предположил Петя в ответ на свой же вопрос.

- Отель для любви? Его бы обозначили. Скорее всего, времянка, которая останется здесь навечно, - вздохнул Павел.

Сделанные шаги никак не меняли окружающего пейзажа. После заката горячее небо было болезненно серым всего несколько минут, а затем непреклонно и резко пожелтело обратно. И оставалось таким все следующие часы.

Под этим жёлтым, тератогенным и, собственно, уродливым небом уставшие двое опустились на холодный песок. Тихо привыкали к пустоте и отсутствию шума и пота. Павел пощупал висевшую у него на плече сумку и кивнул.

- Сын от тебя не сбежал? - усмехнулся Петя.

- Хорошо всё-таки, что сумка тоже из сто тридцать седьмой ткани, - будто невпопад ответил ему Павел, - защищает наше растение...

- Ага... - Петя прислонился своей спиной к широкой спине Павла. Эти интонации, эти тревожные замечания об очевидных вещах он знал и потому замер в предвкушении. Он положил было руку Паше на бедро, но тот весьма красноречиво и вежливо её убрал. Петя не стал игнорировать этот жест:

- Предлагаешь найти девочек и наплодить уродцев прямо сейчас? - с деланой обидой ухмыльнулся он и кивнул в сторону странного бункера.

- А я ведь помню время, когда не было такого риска, - вот оно. Павел вздохнул и посмотрел на луну. Красная, она зияла в середине покрытого сыпью звёзд неба шрамом от пулевого, - Мир до шестьдесят второго года, когда растения не надо было беречь и они росли везде, когда дождь не был кислотным, а небо - жёлтым, когда не приходилось постоянно бояться, когда ребёнок был решением семьи, а не государства, когда ещё была надежда... И я не знаю, зачем я сейчас всё это сказал, - перебил себя Павел.

- Да мы и сейчас в столице очень даже кучеряво живём.

- Повезло тем, кто не родился, или тем, кому, как тебе, не с чем сравнивать, - замолчали. Ехидных замечаний на такой случай у Пети не было. Он только прижался к Павлу ещё сильнее, и тот снова заговорил, - но, когда совсем накатывает, как сейчас, я говорю себе, что, раз даже у Каина и Авеля как-то получилось, то получится и у нас. Помогает, - он за чем-то снова ощупал сумку. Пётр поднялся, положил руки ему на плечи и прошептал в затылок:

- Слушай, Паша Вирхов, ты вроде только что упомянул, что родителей у меня нет. Мог бы и сам допереть, что некому было заниматься религиозным промыванием моих мозгов. Возьми эту роль на себя.

- Я расскажу, - спокойно кивнул Павел, - насколько я помню, Каин и Абель - дети Адама и Евы, самых первых людей. Абель был земледельцем...

- Земле... Кем? - перебил Петя. Он уже успел сесть перед Павлом, скрестив ноги и поставив руки перед собой. Он заинтересованно наклонил голову и смотрел вверх, в янтарные глаза рассказчика.

- Он обрабатывал землю и выращивал растения, а Каин выращивал скот. Ну, животных, - на всякий случай пояснил Павел, - и они оба принесли жертву. Богу больше понравилась жертва Авеля. И Каин из-за этого убил своего брата, - Пётр смотрел Павлу в лицо. Осмысливал. Во взгляде Бурдаха появилось что-то восторженное и совершенно собачье, хотя он даже не улыбался.

- Знаешь, если люди верят, что всё так начиналось, то я вообще, блять, не удивлён, что всё так продолжилось, - сказал он.

Друзья поднялись с рыжего холодного песка, не стовариваясь. Снова сверились с картой и продолжили путь. Безвременье качалось неизбежным фоном, и тишину хотелось разбавить не только шорохом шагов, но и человеческой речью.

- Зато теперь рождаются не в муках, - вернулся к теме Паша. И далась она ему. Бурдах заулыбался.

- О да, за четыре поколения ни одна женщина не пострадала, хотя нет, вру! - он зачем-то ускорил шаг, и Паша осторожно вернул его на правильный путь, - Одна пострадала. Та, которая это придумала. Не помню её фамилии, но *placenta communis*, - зачем-то он ввернул он латинский термин, даже "л" смягчил, - и прочие эмбриологические выкрутасы - её идеи.

- И что с ней произошло?

- Одна ошибка... Или даже не ошибка. Видел новое поколение с фамилией на А? И я нет. А оно должно было быть. В итоге я Бурдах, а не какой-нибудь там Аничков. И женщина там же, где и первое поколение, но это так, байки из ординаторской, - Петя махнул рукой. Паша начал говорить что-то о том, что люди снова обвинили стоявшую у истоков женщину во всём, но его перебила сирена.

Она закричала будто в ответ Бурдаху. Захлёбывалась, ревели и плакала на все десять баллов по шкале Апгар. Будто

небо устало терпеть зуд от красноватой звёздной сыпи.

- О, зиверты, - усмехнулся Пётр, - спрятаться всё равно нигде.

- Только если, - Павел кивнул на бункер неизвестной природы, который оказался уже в опасной близости.

- Ой, да ну, идём, - хриплый голос перекрикивал методичные всхлипы и протяжный вой с трудом, но Паше необязательно было различать слова, чтобы понимать, о чём говорил Петя. И правда, это не первый всплеск и не последний. Ходили уже. И вроде ничего. Сирена хотя бы разбавляла давящую ртутную тишину, и идти было веселее, что ли. Молчали. Петя посмотрел в лицо Паше и заметил, что тот как-то нехорошо побледнел под прозрачной защитой, включённой на шляпе. По левую руку остался странный бункер. Вдруг Павел ускорил шаг. Будто собирался дойти до Мира в ближайший час. Пете за ним пришлось чуть ли не бежать. Вопросов из-за воя сирены Вирхов не слышал. Но с маршрута, насколько это мог заметить Петя, не сбивался. Остановился он так же резко, как и ускорился. Словно его одёрнули. Сирена всё ещё выла - дольше, чем обычно. Павел обернулся на отставшего Петю:

- Петь, я сейчас упаду, - Бурдах прочитал по губам.

- Ну так падай вперёд, я тебя не поймаю, - успел сказать Пётр и со всей силы на всякий случай толкнул Пашу в спину. Тот не соврал и действительно повалился на рыжий песок, подставив руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.